

12+

ZATVORNIK YUDIN

Северное сияние над Ладогой

Zatvornik Yudin

Северное сияние над Ладогой

<https://litres.ru/74275657>

ISBN 9785007064354

Аннотация

В канун своей свадьбы, которая должна была стать триумфом для всего графского рода Ланских и залогом их финансового спасения, юная Екатерина совершает отчаянный шаг. Санкт-Петербург замер в ожидании грандиозного торжества — династического брака между старшей дочерью графа и влиятельным князем Арсеньевым. Этот союз был предначертан с детства, скреплён договорами и политическими расчётами, но сердце невесты принадлежит другому.

Содержание

Северное сияние над Ладогой	5
Пролог. Невеста в тени	6
Глава 1. Долг младшей сестры	10
«СОГЛАСЕН. ЖДУ.»	15
Подпись: Виктор Воронов	15
Глава 2. Хозяин ледяного замка	16
Глава 3. Маленькая королева Полина	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Северное сияние над Ладогой

Zatvornik Yudin

© Zatvornik Yudin, 2026

ISBN 978-5-0070-6435-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северное сияние над Ладогой

Пролог. Невеста в тени

Санкт-Петербург не спал. Он никогда по-настоящему не засыпает — этот город белых ночей, гранитных набережных и дворцов, хранящих эхо имперских балов. Но та ночь выдалась особенной: над Невой сгустилась непроглядная декабрьская тьма, а с Финского залива дул пронизывающий до костей ветер, гнавший колючую поземку. В такую погоду даже фонари на Миллионной улице казались тусклыми и одинокими стражами.

Внутри особняка графского рода Ланских царил совершенно иной микроклимат. Здесь было душно от жара сотен свечей, запаха хвои, дорогого парфюма и тающего воска. Дом гудел, как растревоженный улей. Завтра, ровно в полдень, старшая дочь, Екатерина, должна была стать женой князя Арсеньева. Это был не просто брак — это был династический союз, слияние капиталов и политических интересов, о котором договаривались ещё тогда, когда дети делали первые шаги. Весь высший свет замер в предвкушении триумфа Ланских.

Подготовка шла полным ходом. В бальной зале репетировал струнный квартет, пытаясь настроить инструменты сквозь гул голосов прислуги. На кухне повара сбились с ног,

готовя закуски для ночного фуршета после венчания. А на втором этаже, в будуаре невесты, развернулась главная баталия.

— Катрин, умоляю! Ты погубишь нас всех! — шептала мать, заламывая руки. Её лицо, обычно бледное и аристократичное, пошло красными пятнами. — Отец этого не переживёт. Арсеньевы потребуют неустойку, мы разорены!

Катя стояла перед высоким трюмо, но не видела своего отражения. Она смотрела сквозь него, куда-то в пустоту. Подвенечное платье из тяжелого атласа цвета слоновой кости, расшитое речным жемчугом, висело на манекене, словно саван. Оно было великолепным, шедевром портновского искусства, но оно душило её. Каждая жемчужина казалась каплей свинца.

— Я люблю его, мама, — тихо, но твёрдо произнесла Екатерина, поворачиваясь к матери. В её глазах не было ни слез, ни страха — лишь стальная решимость человека, сделавшего окончательный выбор. — Я люблю Михаила. И я выйду за него, пусть даже нам придётся жить в мансарде на Васильевском острове.

Михаил. Его имя она произносила как молитву. Бедный, гениальный художник, чьи картины дышали свободой, кото-

рой ей так не хватало. Сегодня днём он ждал её в условленном месте, готовый бросить всё и бежать с ней хоть на край света.

— Ты сошла с ума! — голос отца прогремел из дверного проёма. Граф вошёл неслышно, тяжёлой поступью. Его седые брови были сведены к переносице. — Ты опозорила наш род. Твоя сестра... твоя тихая Анна пожертвует собой завтра утром. Она выйдет к алтарю вместо тебя, чтобы спасти хотя бы остатки чести.

Имя младшей сестры прозвучало как приговор. Анна. Тихоня, книжница, которая всегда жила в тени своей ослепительной сестры. Катя почувствовала острый укол совести, который тут же сменился эгоистичным облегчением. Есть выход. Кто-то другой возьмёт на себя эту роль.

— Нет, папа, — прошептала она, чувствуя, как внутри разгорается огонь бунта. — Никто не будет жертвовать собой ради моего долга. Я сама отвечу за свой выбор.

Она подошла к окну. За стеклом бесновалась метель, скрывая очертания города. Это было идеальное прикрытие. Не сказав больше ни слова, Катерина схватила со стула свою соболью шубку, накинула её поверх простого домашнего платья и достала из шкатулки маленький бархатный мешо-

чек — свои фамильные драгоценности. Это было её приданое, её капитал на новую жизнь.

Мать упала в обморок. Отец застыл каменным изваянием.

Катя последний раз взглянула на белоснежное платье на манекене. Затем она открыла створки высокого французского окна, впустив в комнату ледяной порыв ветра и запах снега. Не оглядываясь, она перешагнула через подоконник и растворилась в белой мгле петербургской ночи, оставив позади мир золота, титулов и холодного долга ради одного-единственного слова — «любовь».

Глава 1. Долг младшей сестры

Утро следующего дня выдалось ясным и пронзительно холодным, словно сама природа пыталась заморозить последствия вчерашнего скандала. Особняк Ланских на Миллионной улице напоминал корабль-признак: снаружи он был безупречен — фасад вычищен от снега до блеска, парадная дверь гостеприимно распахнута для первых гостей, но внутри царила мертвая тишина, нарушаемая лишь гулким боем напольных часов в вестибюле.

Анна проснулась не от пения птиц или лучей солнца, а от тяжелой, давящей тишины. Обычно к этому часу дом уже гудел: слышался голос матери, отдающей распоряжения горничным, смех Кати из её комнаты, где сестра примеряла очередную шляпку. Сегодня же было тихо. Пугающе тихо.

Она накинула на плечи пуховый платок и спустилась вниз. Картина, открывшаяся ей в малой гостиной, заставила её замереть на пороге. Отец сидел в глубоком кресле у камина, глядя невидящим взглядом на тлеющие угли. Мать полулежала на диване, рядом суетился доктор с пузырьком нашатырного спирта. На столике стоял нетронутый завтрак — остывший кофе и круассаны.

— Аня... — голос отца был хриплым, надломленным. Он даже не повернул головы. — Подойди.

Анна приблизилась, чувствуя, как ледяной мраморный пол обжигает ступни сквозь тонкие чулки. Она села на край кресла напротив, сложив руки на коленях. В этой позе всегда читалась её суть: покорность, готовность слушать и принимать удары судьбы.

— Катя сбежала, — без предисловий начал отец. Слова падали тяжело, как камни. — С каким-то голодранцем-художником. Бросила всё. Арсеньевы ждут. Завтра оглашение помолвки. Весь Петербург будет смеяться нам в лицо.

Он наконец посмотрел на дочь, и Анна вздрогнула. В глазах графа, обычно холодных и властных, плескалась черная бездна отчаяния.

— Мы разорены, девочка моя. Кредиторы сожрут нас заживо, если этот брак не состоится. Контракт подписан. Деньги должны поступить на счета завтра утром, иначе...

Повисла пауза. «Иначе мы пойдем по миру», — мысленно закончила за него Анна. Она представила себе, как их великолепный особняк продают с молотка, как мать вынуждена продавать свои драгоценности, чтобы купить хлеба. Это бы-

ЛО НЕВЫНОСИМО.

— Что я должна сделать? — тихо спросила она. Вопрос прозвучал скорее как утверждение.

Отец оживился. Он резко подался вперед, впившись пальцами в подлокотники кресла.

— Ты выйдешь замуж вместо неё.

Слова ударили Анну физически, словно пощёчина. Мир покачнулся. Ей показалось, что она ослышалась.

— Я? Но... Виктор Воронов. Он ждёт Екатерину. Он знает её всю жизнь. Он видел мой портрет лишь однажды, мельком. Он никогда не согласится.

— Согласится, — отрезал граф. В его голосе зазвенела сталь. — У него нет выбора так же, как и у нас. Ему нужен титул и связи нашей семьи для экспансии в Европу. Его капиталы огромны, но они пахнут нефтью и металлом. Ему нужна наша кровь, чтобы облагородить своё имя. Портреты похожи. Вы обе блондинки, тот же разрез глаз. Разница невелика. Я возьму вину на себя. Скажу, что это была последняя воля умирающей Екатерины, которую мы скрыли ради спокойствия жениха. Или придумаю другую ложь. Главное — свадьба должна состояться.

Анна почувствовала, как к горлу подступает тошнота. За муж. За незнакомца. За человека с репутацией «северного барона» — жесткого, расчетливого промышленника, о котором ходили слухи, что он может заморозить собеседника одним взглядом. Говорили, что он построил свою империю на костях конкурентов, что он не знает жалости. И теперь эта ледяная крепость должна стать её домом.

— Папа, я... я боюсь, — прошептала она, впервые в жизни позволив себе слабость перед отцом.

— Боишься? — граф горько усмехнулся. — А ты думаешь, мне не страшно? Мне страшно смотреть в глаза людям, которые вчера поздравляли меня, а сегодня будут плевать вслед. Твой страх — это ничто по сравнению с гибелью всей семьи. Это твой долг, Анна. Ты спасёшь нас всех своей жертвой.

Слово «жертва» повисло в воздухе. Анна посмотрела на мать. Та открыла глаза, мутные от успокоительных капель, и слабо кивнула. Этот кивок был приговором.

Внутри Анны боролись два голоса. Один, тихий и робкий, кричал о том, что она хочет читать книги у камина, гулять по Летнему саду и когда-нибудь полюбить того, кто полюбит её душу, а не фамилию. Второй голос, холодный и рассудительный, принадлежавший той части её натуры, которая всегда

ставила долг превыше всего. Голос её рода.

Она вспомнила библиотеку, запах старых книг, свой уютный мир. Всё это придётся оставить. Её ждет огромный, чужой дом, равнодушный муж и роль куклы на пьедестале.

— Хорошо, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим. Спокойным. Мёртвым. — Я сделаю это. Пусть присылают портних. Нужно подогнать платье.

Когда она поднялась в свою комнату, слёзы наконец брызнули из глаз, но она зажала рот ладонью, чтобы никто не услышал. Она подошла к окну, выходящему во двор. Дворник скреб лопатой лёд, монотонно, методично. Эта картина показалась ей символом её будущей жизни: бесконечная, однообразная борьба с холодом в попытке расчистить хоть маленький клочок земли для тепла, которого никогда не будет.

Вечером принесли телеграмму. Всего три слова, отпечатанные на тонкой ленте:

«СОГЛАСЕН. ЖДУ.»

Подпись: Виктор Воронов

Это был конец. Решение принято окончательно и бесповоротно. Её судьба решена. Через неделю она станет женой миллиардера, войдёт в клетку, ключ от которой будет выброшен в Неву. И первый шаг в эту новую, ледяную жизнь был сделан.

Глава 2. Хозяин ледяного замка

Неделя пролетела как в тумуме, наполненном шелестом парчи, звоном ножниц и монотонным гулом швейных машинок. Портнихи работали день и ночь, превращая подвенечное платье Екатерины — слишком пышное и яркое для тихой Анны — во что-то более сдержанное, но не менее величественное. Изменили линию декольте, добавили кружево на рукава, пытаясь скрыть разницу между сестрами. Но никакие ухищрения не могли изменить главного: невеста шла к алтарю с сердцем, полным льда.

Венчание состоялось в домовой церкви Ланских. Виктор Воронов прибыл ровно за пять минут до начала церемонии. Он вошёл в холл, стряхивая снег с бобрового воротника пальто, и от него повеяло холодом настоящей зимы — той, что царит далеко отсюда, на берегах Ладоги. Это был высокий мужчина лет сорока, с резкими чертами лица и седой прядью в тёмных волосах, которая придавала ему вид скорее сурового полководца, чем жениха. Он скользнул по Анне взглядом, быстрым и оценивающим, словно проверял качество товара перед сделкой. В его серых глазах не было ни тепла, ни удивления. Только сухой расчёт.

Анна стояла перед ним, чувствуя себя фарфоровой стату-

эткой. Она была прекрасна в своём молчаливом смирении, но совершенно безжизненна. Церемония прошла как формальность. Обмен кольцами показался ей прикосновением металла к коже мертвеца. Когда священник объявил их мужем и женой, Виктор лишь коротко кивнул, принимая свершившийся факт.

Путешествие на север заняло два дня. Они ехали в личном вагоне Виктора, отделанном красным деревом и бархатом. Это была роскошная тюрьма на колесах. За всё время пути муж сказал ей едва ли десяток слов, касающихся исключительно бытовых вопросов («Вам принести чаю?», «Поезд прибывает через час»). Анна сидела у окна, глядя на проносящиеся мимо заснеженные поля и редкие деревеньки, и молчала. Разговорить эту глыбу льда казалось невозможным.

Их новый дом, усадьба Вороновских, возвышался на крутом берегу Ладожского озера. Это был не дворец в привычном понимании Петербурга, а настоящий замок из темного камня, похожий на средневековую крепость. Узкие окна-бойницы смотрели на свинцовую воду озера с угрюмым равнодушием. Дом казался продолжением своего хозяина — такой же неприступный, холодный и пугающий своей мощью.

— Добро пожаловать домой, — сухо произнёс Виктор, по-

могая ей выйти из экипажа. Голос его прозвучал глухо, отражаясь от каменных стен.

Её покои оказались огромными. Комната была размером с половину бального зала в доме её родителей. Высокие потолки терялись в полумраке, кровать под балдахином напоминала саркофаг, а огонь в гигантском камине казался жалким и неспособным согреть это пространство. На столике лежала стопка книг — её собственные книги, которые она просила привезти. Этот жест тронул бы её, если бы не выглядел так... утилитарно. Словно хозяин дома просто выполнил пункт из списка дел.

Вечером состоялся ужин. Тишина в столовой давила сильнее любого крика. Стук столовых приборов о фарфор эхом разносился по залу. Анна пыталась есть, но кусок не лез в горло.

— Как вам ваши комнаты? — голос Виктора разрезал тишину так внезапно, что Анна вздрогнула.

— Благодарю вас, они великолепны, — ответила она автоматически, поднимая на него глаза. — Хотя немного... непривычно просторные.

— Вы привыкнете, — отрезал он, возвращаясь к своему ростбифу. — Здесь всё большое. Озеро, лес, сам дом. Природа Севера не терпит суеты и мелочности.

Он замолчал, давая понять, что разговор окончен. Но Ан-

на, собрав всю свою храбрость, сделала ещё одну попытку.

— А где Полина? Ваша дочь. Я надеялась познакомиться с ней сегодня.

Лицо Виктора мгновенно окаменело. Он отложил вилку и медленно промокнул губы салфеткой. Взгляд, которым он одарил жену, мог бы заморозить само озеро за окном.

— Полине десять лет. И я настоятельно рекомендую вам не торопиться со знакомством. Ребёнок тяжело переживает перемены. Её воспитанием занимается гувернантка мисс Хадсон. Вам не стоит вмешиваться.

Это был приказ. Не просьба, не совет, а именно приказ. Анна опустила взгляд в тарелку. Она поняла главное: в этом доме она не жена. Она — функция. Необходимый атрибут для продолжения рода и спасения репутации, который должен тихо сидеть в своих покоях и не создавать проблем.

Когда ужин закончился, Виктор встал из-за стола.

— У меня много работы. Спокойной ночи, Анна.

И он ушёл, оставив её одну в огромной, холодной столовой. Анна смотрела на своё отражение в темном окне. Там, за стеклом, завывал ветер, гоняя поземку по льду Ладоги. Замок Ворона сомкнул над ней свои крылья, и впервые за всё время она почувствовала не страх, а всепоглощающее, ледяное одиночество.

Глава 3. Маленькая королева Полина

Первые дни в замке слились для Анны в одно бесконечное, серое полотно. Утро начиналось с того, что горничная бесшумно вносила поднос с завтраком и так же тихо исчезала. Анна ела, глядя на свинцовую гладь Ладоги, которая казалась неподвижной и мёртвой. Затем она пыталась читать, но строчки расплывались перед глазами. Книги были её единственным убежищем, но даже они не могли заглушить звенящую тишину каменных стен.

Виктор появлялся лишь к ужину. Он был безупречно вежлив: отодвигал стул, спрашивал о самочувствии, поддерживал светскую беседу о погоде или новостях из столицы. Но его глаза оставались пустыми. Он смотрел сквозь неё, словно Анна была дорогой вазой — предметом интерьера, который нужно беречь, но который не способен чувствовать или говорить о чём-то важном. После десерта он желал ей спокойной ночи и уходил в свой кабинет, откуда до глубокой ночи доносился стук печатной машинки.

О Полине напоминало лишь эхо детского смеха где-то в дальних коридорах да строгий силуэт мисс Хадсон, гувер-

нантки-англичанки, которая сопровождала девочку на прогулках. Ребёнок был невидимкой, призраком этого дома, и Анну это одновременно пугало и задевало.

Переломный момент наступил через неделю. Это было тихое утро понедельника. Анна спустилась в библиотеку — единственное место в доме, которое вызывало у неё тёплые чувства благодаря запаху кожи и старой бумаги. Она искала томик стихов Тютчева, чтобы хоть немного согреть душу. Пройдя вдоль стеллажей, она услышала странный шорох за одним из высоких шкафов.

— Кто здесь? — спросила она негромко.

В ответ раздался громкий хлопок, и сверху, прямо ей на голову, обрушился водопад из мелких перьев. Перепуганная Анна вскрикнула, отряхивая пух со своего домашнего платья. Из-за шкафа медленно вышла девочка лет десяти. У неё были отцовские тёмные волосы и пронзительные серые глаза, но если взгляд Виктора был холодным как лёд, то взгляд девочки обжигал яростью и любопытством.

Она стояла, скрестив руки на груди, одетая в строгое синее платье, которое делало её похожей на маленького генерала.

— Вы нарушили границы моей территории, — заявила

она тоном, не терпящим возражений. — Я расставила ловушки для незваных гостей. И вы попались.

Анна посмотрела на пол. Там лежала разорванная маленькая подушечка для иголок, содержимое которой теперь украшало её прическу. Вместо гнева она почувствовала странное облегчение. Наконец-то живой человек! Хотя и настроенный крайне враждебно.

— Меня зовут Анна, — спокойно сказала она, стараясь не улыбаться. — Я твоя новая... мама.

Девочка фыркнула, словно услышала нелепую шутку.

— У меня нет мамы. Моя мама умерла. А вы — самозванка. Папа женился на вас по ошибке. Он всегда говорил, что женится только на той, кто сможет переплыть озеро в шторм. А вы выглядите так, будто боитесь намочить ноги в тазике для умывания.

Это было оскорбление, высказанное с детской прямоотой. Анна сделала шаг вперёд. Девочка не отступила.

— Твой папа очень занятой человек, Полина, — мягко произнесла Анна, называя девочку по имени, отчего та слегка поморщилась. — Возможно, у него просто не было времени устроить испытание с озером. Но знаешь, я люблю книги больше, чем плавание. В библиотеке есть чудесная книга про пиратов. Хочешь почитать её вместе?

Полина прищурилась, анализируя предложение. Предательство казалось более интересным, чем чтение.

— Хорошо, — неожиданно согласилась она. — Только пойдёте в галерею. Там теплее. И там висит портрет моей настоящей мамы. Посмотрим, сможете ли вы хотя бы вполтину быть такой же красивой.

Это была капитуляция, замаскированная под вызов. Война перешла в новую фазу — дипломатическую. Они поднялись в парадную галерею. Пока Полина с важным видом рассказывала историю каждого портрета предков Вороновских, Анна украдкой рассматривала падчерицу. Под маской колющего ежонка скрывалось отчаянное одиночество ребёнка, потерявшего мать и получившего вместо неё отца-карьериста и череду бездушных воспитателей. И Анна поняла: битва за этот замок будет выиграна не через Виктора, а через эту маленькую, раненую принцессу.

Вечером того же дня, когда Виктор снова сидел во главе стола, погружённый в свои мысли, Анна решилась.

— Сегодня мы с Полиной провели чудесный день, — начала она непринуждённо. — Она показала мне галерею. Такая умная и начитанная девочка. Настоящая дочь своего отца.

Виктор поднял на неё тяжёлый взгляд. Впервые за всё время в нём промелькнуло что-то живое — удивление, смешанное с недоверием.

— Вот как? — сухо произнёс он. — Мисс Хадсон докладывала, что вы пытались навязать ей своё общество, и Полина устроила истерику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.